

субъектов РФ, с угрозой которой столкнулся В. Путин в 1999–2000 годах.

И реформа РАО ЕЭС, РЖД, Минатоммаша и других структур единого народнохозяйственного комплекса, как и проведенная до этого приватизация, основывались отнюдь не на принципе сохранения единого комплекса. Более того, А. Чубайс прямо говорил о том, что приватизация **преследовала прежде всего идеологические, а отнюдь не экономические цели**. «Вместо стабилизации экономики реформаторы центр своих усилий придвинули на приватизацию государственной и муниципальной собственности ... экономическая составляющая этого феномена была отодвинута на второй план, так как сами привати-

зационные мероприятия были подчинены в первую очередь нуждам закрепления у власти так называемых „демократических“ сил во главе с Б. Ельциным»⁵⁷, т. е. идеологическим идеям.

Таким образом, выбор элитой страны идеологических целей развития изначально во многом предопределяет и выбор вариантов стратегических прогнозов, которые ложатся в основу стратегий. Если, например, элита сформулировала в качестве приоритетной цели развития военно-промышленного комплекса (как это было во времена СССР или в современном Израиле), то, соответственно, огромные ресурсы страны направлялись прежде всего для достижения именно этой цели.

4. Стратегический прогноз и политическая реальность⁵⁸

Вообще большая часть политической и бизнес-элиты живет с пониманием международных отношений на уровне XIX — первой половины XX века...⁵⁹.

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Не ясны только две вещи. Во-первых, почему он не предложил заявленные преобразования раньше — в самом начале своего президентского срока. И, во-вторых, не вполне понятно, какая судьба ждет эти преобразования в президентство Владимира Путина⁶⁰.

Журнал «Профиль»

В России сохраняется нелюбовь к стратегическим прогнозам и неспособность их реализации. Исключения составляют времена, когда авторитарные режимы административно-уголовными методами жестко добивались их реализации. Это объясняет во многом неспособность нынешней элиты выполнять свои собственные планы, ведь эти планы она сама себе и спускает. «По большому счету, — пишет В. Соловьев, — в нашей стране не партийная диктатура, не классовая, а именно чиновничий феодализм, где люди зачастую находятся в прямой крепостной зависимости от маленького чиновника»⁶¹.

Для того чтобы появилась если не любовь, то привычка к стратегическому прогнозу и планированию, чиновникам нужен не просто «сигнал» от президента, председателя правительства, либо министра, а идеология, где частью которой (как руководства к ежедневному действию) стал бы прогноз, планирование и отчет о результатах деятельности. Так, как это было в плановой экономике, либо так, как это существует в современных корпорациях.

То, что у российской элиты было долгое время отвращение к любой идеологии и стратегическому прогнозу — известно. Но даже тогда, когда эта болезнь прошла, и стали плодиться многочисленные прогнозы, их результативность была крайне низкой, если не сказать даже отрицательной. Прежде всего потому, что все эти прогнозы и концепции не носили

директивного, обязательного характера. Тем более, не требовали отчетности и ответственности.

В 2008 году российская элита (точнее, ее самая высшая часть) сформулировала социально-экономический прогноз, фактически основанный на экстраполяции макроэкономических тенденций 2005–2007 годов, лишь частично скорректированных требованиями современности. Выстроенная в «Концепцию–2020» система приоритетов, основанная на прогнозе вызовов и угроз, лишь частично отражала реалии. Главный вызов времени — возрастание роли человеческого капитала как основного фактора экономического развития — был замечен и учтен. Но поставлен в системе приоритетных угроз не на первое, а на третье место⁶².

Более того, когда в конце 2008 года она оказалась не выполненной, то про нее «на время» забыли, вспомнив лишь в 2011 году. Но и тогда В. Путин заявил о сохранении ее принципиальных положений, поручив группе разработчиков «скорректировать» эту стратегию. Что и было сделано под руководством В. Мау, который сделал примечательное заявление, что эта стратегия — «набор рекомендаций» для правительства.

Оказались не вполне конкретными определения и негативных тенденций, вытекающих из этого вызова. Как следует из «Концепции–2020», в 2008 году эти негативные тенденции определялись следующим образом:

- стабилизация численности российского населения и занятых в экономике на основе эффективного регулирования миграции и изменения образа жизни людей, повышения здоровья нации и уровня социального оптимизма;
- эффективно функционирующие отрасли, определяющие качество человеческого капитала (образование, здравоохранение, жилищный сектор), высокие стандарты жизни населения;
- превращение среднего класса российского общества в его доминирующую силу, сокращение социального неравенства;
- достижение уровня развитых стран по производительности труда, которая будет определяться не столько «фондовооруженностью» периода индустриального развития, сколько уровнем образования и креативностью самого человека⁶³.

Ни одна из этих задач не стала приоритетной на практике, и к 2012 году эти тенденции изменить к лучшему так и не удалось. И не только из-за кризиса, но и из-за неспособности четко сформулировать цели, а не тенденции. «Стратегия–2020», не будучи формально никем отмененной, осталась декларацией, а «стратегический прогноз МЭРа», который лег в ее основу, постарались забыть. Вплоть до 2011 года.

Возвращаясь к схеме соотношения интересов — целей — ресурсов, в которой в упрощенном виде формализуется идеология правящей элиты, мы увидим, что стратегический научный прогноз играет важную роль, прежде всего с точки зрения формирования потенциального «коридора возможностей».

Допущения, поправка и корректировка такого идеологического прогноза не являются принципиальными. При благоприятных условиях такой прогноз реализуется быстрее. При неблагоприятных (в условиях кризиса, например) — **медленнее**. Но это прогноз реализуется, т. е. видна положительная динамика. За 2008–2011 годы такой динамики отмечено не было.

В зависимости от стратегического прогноза влияния внешних условий, ресурсного обеспечения и других факторов, правящая элита формулирует возможные проблемы и свои цели на долгосрочную перспективу. Понятно, что такой прогноз может очень различаться по своей методике и амбициозности. Так, стратегический прогноз может включать множество факторов и учитывать большое количество возможностей, но может и не учитывать их (как в реальности происходит, когда фактически учитываются только макроэкономические показатели).

Влияние стратегических прогнозов огромно, ибо они нередко сами формируют реальность, включая **позицию правящей элиты на будущее**, становится отправной точкой для всего процесса стратегического планирования. В том случае, если происходит идеологическая мобилизация. Которой в России нет. Попытки, предпринятые «Единой Россией» развить дискуссию вокруг «Стратегии–2020» успешными

признать нельзя. Интеллектуальные клубы даже не вышли в свою среду интеллектуалов, не говоря уже о массовом участии в дискуссии, а тем более процессе реализации «Стратегии–2020» креативными слоями общества.

Вместе с тем неизбежность появления стратегических прогнозов в общественных науках теперь уже очевидна. Они делаются ежедневно, ежечасно. Как очевидно и то, что они, как правило, далеки от реальности, которая, по словам И. Канта, «сама по себе указывает на бытие»⁶⁴. Так, например, ректор МГИМО(У) А. Торкунов в своей работе «Российская модель демократии и современное глобальное управление» пишет: «Ни сегодня, ни через 50 лет российская демократия не сможет походить на модели демократического устройства во Франции, США или Германии...»⁶⁵. Это ли не прогноз развития общественно-политической системы в России?

Неполные, неточные или ошибочные стратегические прогнозы могут серьезно повлиять на политику, в т. ч. на экономическую, на власть. Особенно наглядно это видно на примере военной истории, когда неверный прогноз приводил к поражению страны или наносил ей огромный ущерб. Так, прогноз И. Сталина о возможном начале войны с Германией лишь в 1942–1943 годах, привел к поражению Красной Армии в ходе летне-осенней кампании 1941 года. Прогнозы «построения коммунизма», «решения жилищной проблемы к 1980 г.», «решению продовольственной проблемы» — к краху КПСС.

Нередко стратегические прогнозы имеют характер дезинформации, сделанной в расчете на возможные — политические, военные, экономические или иные — выгоды. Так, стратегический прогноз относительно так называемых озоновых дыр, сделанный в 70-е годы XX века был, как считают некоторые специалисты, направлен на навязывание ряда технологий другим странам. Во многом аналогичная ситуация складывается и со стратегическим прогнозом относительно потепления климата и вредных выбросов, который оспаривается многими экспертами⁶⁶.

Что крайне важно, правящая элита в ряде случаев делает **принципиальный идеологический выбор** в пользу того или иного приоритета и цели **в зависимости от прогноза развития событий**, т. е. прогнозы становятся не только основой стратегии, но и главным аргументом в пользу политико-идеологического выбора. При этом научная обоснованность прогноза, как способа определения будущего состояния объекта и стратегии его развития в условиях неопределенности, неизбежно несет субъективный отпечаток. Так, прогнозы развития мировой экономики до 2025 года показывают, что к этому времени произойдет решительное изменение **соотношения сил в мире**. Согласно докладу национального разведывательного совета США (2025 г.), уже к 2025 году на ведущие позиции в мировой экономике выйдут Китай и Индия. К ним, вероятно, присоединится и Россия. Впрочем,

в крайних случаях возможны и негативные явления вроде развития авторитаризма. В докладе указывается, что в ближайшие годы мир ждет беспрецедентный «перенос богатства и экономического влияния с Запада на Восток». Авторы приходят к выводу, что в 2025 году восьмерка ведущих экономик будет выглядеть так: США, Китай, Индия, Япония, Германия, Великобритания, Франция, Россия. Есть и другие, менее оптимистичные, для США оценки.

Так, например, если говорить с точки зрения развития НЧК, то численность лиц с высшим образованием в КОР за последние 10 лет выросла в 8 раз и достигла 300 млн человек. Сегодня Китай — главный экспортер наукоемкой продукции в мире и в США, а по итогам 2009 года его экономика стала второй экономикой в мире. Растут и политические амбиции Пекина, в зону «коренных интересов» которого попадают все новые острова, моря и территории. Учитывая же стабильно высокие темпы развития Китая, резкое изменение в соотношении сил в мире может наступить намного раньше. Пока что китайские власти строго придерживаются правила «скрывать свои возможности и дожидаться своего часа»⁶⁷, но что может наступить тогда, когда они откажутся от этого лозунга? Стратегический прогноз намерений, которые могут вытекать из новых возможностей, имеет жизненно важное значение. И не только для США, но и для России.

В этой связи напомним, что любой политический анализ начинается с анализа соотношения сил (политических, военных, экономических и др.) в мире. Если анализ, сделанный в докладе Нацсовета США по разведке США верен, то из него вытекают серьезные выводы, игнорировать которые — ни в политике, ни в экономике, ни в военном деле — мы не можем **уже сегодня**. Подписав, например, Договор по ограничению СНВ в апреле 2010 года, мы, тем саамы, взяли на себя обязательства, которые будут простираются даже дальше, чем до 2025 года: ограничения на средства доставки и ядерные боеприпасы не позволят нам превысить эти уровни к тому периоду. Вместе с тем, российские эксперты, подготовив этот договор, конечно же, просчитали и то, какого уровня достигнут ядерные потенциалы быстро развивающихся Китая и Индии к 2025 году.

Кроме того, они должны были оценить и возможности российской экономики (причем, не абстрактные, а конкретные, по отраслям, заводам, КБ), чтобы поддерживать эти уровни.

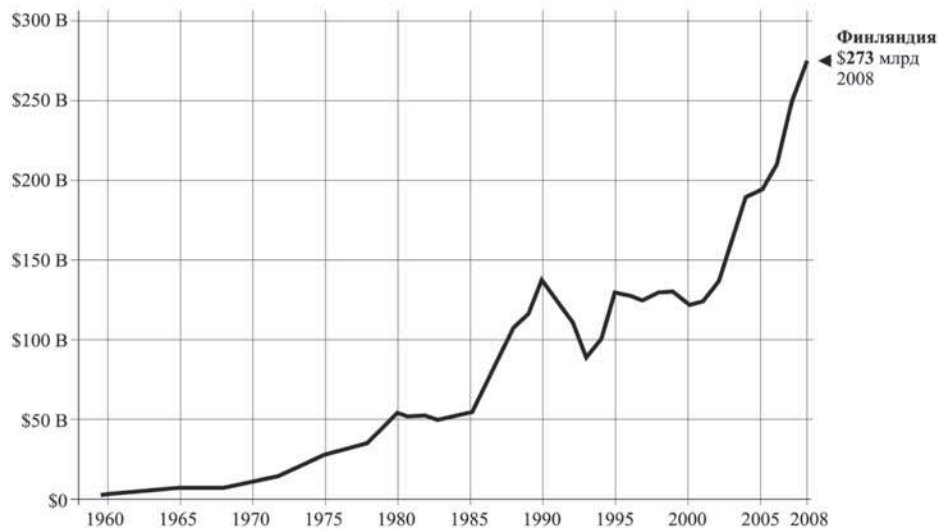
Даже на относительно простом примере Договора СНВ-3 видно, что в стратегическом прогнозе далеко не всё можно просчитать, хотя он предельно просто устанавливает количественные ограничения на средства доставки и ядерные боеприпасы. Так, например, трудно оценить их качество (точность, защищенность, мобильность, эффективность систем управления и прочие характеристики), а также даже систему зачёта⁶⁸.

Тем более сложнее это сделать в экономике, где трудно (если вообще возможно) оценить темпы научно-технической революции, технологические решения, мировую конъюнктуру цен (мы не можем прогнозировать цены на нефть, как показывает опыт, даже на год, а тем более на 15–20 лет), социальную структуру общества и т. п. Вообще всё, что касается человека, общества, а в целом социально-гуманитарной области, долгосрочный научный прогноз сделать крайне трудно. Тем более непригодна макроэкономическая экстраполяция. Но и отказываться от него нельзя, ведь мы должны хотя бы попытаться представить себе, что будет через 15–20 лет. Поэтому огромное значение приобретает точная **оценка существующих тенденций**, которая является единственной реальной базой для рассуждений. При обязательной оговорке — в стратегических прогнозах простая экстраполяция таких тенденций (которая сегодня сплошь и рядом практикуется макроэкономистами) — недопустима: наука, общество, человек, как и экономика, и даже политика, развиваются не только последовательно, но и скачкообразно — бывают как «перескакивания» через этапы развития, так и «откат», деградация. Кризис 2008–2010 годов еще раз это показал. Как, впрочем, и то, что многие страны извлекли из него пользу просто потому, что обладали долгосрочными стратегиями развития и политико-идеологическими прогнозами и программами.

В этой связи огромное значение имеет учёт базовых критериев — исторического и культурного наследия, нравственного и духовного потенциала нации, широких (и объективных) национальных интересов и ценностей. Именно они дают очень важную дополнительную и самую стабильную информацию для стратегических прогнозов. Так, сложившиеся научные школы в России, высокий образовательный потенциал, огромное культурное и духовное наследие нации позволяют рассчитывать нашей стране на быстрое, даже опережающее развитие, «перескакивание» через экономические и технологические этапы, а не последовательное «догоняющее лидеров» развитие. Это положение должно быть положено в основу долгосрочного прогноза.

Из этого следует, что если правящая элита делает выбор и ставку на опережающее развитие человеческого потенциала, который базируется на огромном культурном наследии, то стратегический прогноз для России может **быть очень оптимистичен, даже амбициозен**. Он будет мало связан с простой экстраполяцией динамики развития нынешней экономики и общества. А это очень важно, ведь недооценить свои возможности не менее опасно, чем переоценить.

Если элитой будет сделан **выбор в пользу развития человеческого потенциала**, то **ресурсы должны перераспределиться в соответствии с этим приоритетом**, т. е. от выбора элиты (в основу которого должен быть положен стратегический прогноз как **обоснование** этого выбора) зависит распределение

Источник: Всемирный банк, показатели мирового развития (по состоянию на 15 июня 2010 года).

Рис. 14. Валовой внутренний продукт Финляндии (в сегодняшних долларах США без учета инфляции)

ресурсов нации. Сегодня складывается впечатление, что в стратегических прогнозах и действиях власти доминирует метод экстраполяции существующих тенденций. Что неверно. Стратегический прогноз может послужить основой для формирования амбициозных целей развития и, соответственно, вылиться в напряженные исходные условия стратегического планирования. Что будет не авантюрой, а реальной оценкой наших возможностей. Так, никто, например, в Финляндии во время кризиса 1990-х годов не прогнозировал возможного роста ВВП страны со 150 млрд до 273 млрд долларов только за 2000–2008 годы.

В целом стратегический прогноз для нации принципиально отличается от многочисленных разновидностей отраслевых, региональных и иных прогнозов прежде всего **своей идеологичностью**. Эта идеологичность неизбежна, так как стратегический прогноз должен быть комплексным, включать структурную характеристику общества, экономики и государства (объекта прогнозирования), международной среды, механизмов их функционирования и основных трендов, угроз, возможных сценариев поведения и т. д. Все эти факторы, учитываемые в работе, неизбежно несут на себе идеологический, субъективный отпечаток. Так, для сравнения рассмотрим условия для стратегического прогноза предприятия (организации)⁶⁹. Как считается, составление стратегических прогнозов, или прогнозирование, состоит, во-первых, в анализе экономических, социальных, технических и других процессов, происходящих в организации и ее окружении, связей между ними, оценке сложившейся ситуации и выявлении узловых проблем. Во-вторых, в формировании видения будущего организации и условий ее функционирования, трудностей и практических задач. В-третьих, в обосновании, сопоставлении и анализе различных вариантов развития организации, ее кадрового, про-

изводственного и научно-технического потенциала, желательных результатов деятельности и возможных стратегий в различных сферах.

Прогноз долгосрочного развития общества и государства значительно сложнее, многофакторнее и многомернее, чем стратегический прогноз развития корпорации. И прежде всего тем, что он должен учитывать взаимовлияние таких групп факторов, как «национальные интересы и ценности», «ресурсы и возможности», «международные реалии», которые сами по себе являются сверхсложными системами. Тем более, что анализ этих групп факторов носит вполне субъективный характер.

Из этого неизбежно следует, что стратегические прогнозы должны основываться не только на научных методиках, но и **идеологических концепциях**, способных «связать» в единую суперсистему эти группы факторов. Сегодня стратегический социально-экономический прогноз, например, практически не учитывает не только развитие международных процессов, но и не дает глубокого анализа ресурсов развития, а тем более национальных интересов в долгосрочной перспективе. Фактически он дает только узкий «срез», экстраполяцию социально-экономической ситуации, существующей к моменту его написания (в случае со «Стратегией–2020» — до марта 2008 г.).

Таким образом, стратегическое прогнозирование — как научный способ выявления будущего состояния организации и определения стратегии ее развития в условиях неопределенности внешней и внутренней ситуации, применительно к стратегическому прогнозу развития страны должно **основываться на идеологической концепции**, которую сформулировала правящая элита.

Экстраполяция, как метод стратегического прогноза, (или проекция в будущее), суть которого состоит в автоматическом перенесении существующих тенденций на будущее, — неприемлем, даже вреден.

Метод экстраполяции должен быть заменен на концептуально-идеологический метод, который может и должен включать различные — политические, философские социологические и т. д. — методы и методики. А те, в свою очередь, основывать ее на идеологическом выборе. На мой взгляд, Россия, ее элита такой выбор еще не сделали. С одной стороны, например, сохраняются значительные военные расходы (более 2,5% ВВП), которые выглядят вполне разумными по сравнению с развитыми странами, но, может быть, чрезмерны, если приоритет сегодня отдавать развитию человеческого потенциала. Я, например, не уверен, что России нужны дорогостоящие авианесущие суда (со всей сопутствующей инфраструктурой), средств от которых хватило бы на развитие сотни университетов и научных центров.

С другой стороны, не сформулированы четко **цели развития**, а именно в качестве главной цели не поставлена задача развития НЧК. Соответственно не ясна вполне и стратегия, прогноз и планы МЭРа и Минфина, включая и трехлетний бюджет, которые являются по сути инерционной макроэкономической экстраполяцией. А не стратегией. Тем более общенациональной. И уж, тем более, идеологией. «Истина рождается как ересь, а умирает как тривиальность», эта мысль Г. Гегеля лежит в основе прогноза⁷⁰.

Следует в этой связи только приветствовать попытки долгосрочного прогноза развития науки и технологии до 2030 года, сделанные в РАН. В частности, доклад, подготовленный в декабре 2008 года, по поручению президента России Д. Медведева. По мнению академика А. Некипелова, «план Путина» подразумевал отход от топливно-сырьевого сценария, в связи с чем «проблема технологического прогнозирования вышла на первый план»⁷¹. Она стала уже банальной задачей, решением которой занимается более 70 стран. Но не в России.

Но далеко не всегда из этих оценок делаются правильные выводы. В частности, мало учитываются базовые приоритеты и ценности, например, российской науки (о чем говорилось выше). Примечательно, что при обсуждении доклада академик А. Дынкин справедливо отметил, что «Россия выбрала ошибочный путь (стратегию. — А. П.) — приобретать высокие технологии за рубежом и сокращать едва ли ни до нуля вложения в собственную науку»⁷². К сожалению, нынешние рассуждения о модернизации фактически сводятся к заимствованию чужих идей, техники и технологий. Соответственно и стратегический прогноз такой модернизации выглядит как прогноз освоения технологических заимствований. Но, если вернуться к трем составляющим национальное богатство страны — материальным активам (10–15%), — то мы увидим, как минимум 4 стратегии.

Первая стратегия, в основе которой лежит прогноз развития НЧК, опережающего развития человеческого потенциала, составляющего абсолютно большую часть национального богатства. Соот-

ветственно и темпы, и масштаб прироста ВВП, рост производительности труда и другие факторы будут значительно весомее, чем при акценте, например, на развитие природных ресурсов.

Вторая стратегия, в основе которой лежит нынешняя концепция модернизации, — технологические заимствования материальных активов. На мой взгляд, эта стратегия может быть только дополнительной к основной стратегии. В ее основе закладывается стратегический прогноз развития науки и техники за рубежом, который изначально ставит Россию в положение догоняющего игрока.

Третья стратегия — ресурсного развития. Это нынешняя, реально существующая и «работающая» стратегия, в основе которой лежит стратегический прогноз развития ресурсных отраслей экономики и соответствующая экспортная ориентация.

Наконец, **четвертая стратегия** — комплексного развития всех трех составляющих национальное богатство страны. Ее слабость — в отсутствии стратегии. Сегодня мы «сползаем» именно к этому варианту.

На выбор стратегического прогноза влияют прежде всего фундаментальные факторы — интересы национальной безопасности, система ценностей и национальные приоритеты, которые **могут осознаваться** национальной элитой либо нет. Другими словами, стратегический прогноз должен начинаться с этого анализа. Именно базовые национальные интересы и ценности должны быть **основой** для любого национального стратегического прогноза. При этом сохранение и развитие нации и государства является **главным интересом**, а все остальные интересы — производными от него. Говоря о будущем России, эксперты американо-израильского центра по стратегическому прогнозированию, например, прямо указывают на главную угрозу национальным интересам страны: «Спад России и использование этой ситуации со стороны США привели нас к вероразделу. В случае, если Украина потеряна Москвой, Грузия становится доминирующей страной на Кавказе, а события в Киргизии перекинутся на всю Центральную Азию (все это очень легко представить), поставя проблему выживания самой Российской Федерации. Мы будем очевидцами второй революции: часть Российской Федерации отсоединится от нее. Россия, которую мы знаем сегодня, больше не будет существовать»⁷³.

Фактическое отрицание сегодня в России политико-идеологического прогноза свидетельствует об отставании не только в стратегическом прогнозировании, но и реализации стратегии, которое может (и уже ведет) привести к невыполнению даже той псевдостратегии, которая существует сегодня. Что стало особенно заметно к концу 2010 года. Отсутствие реальных результатов, скромные достижения и низкая эффективность от вложенных средств — откровенно бросается в глаза. Это выражается и в отсутствии реального стратегического планирования, которое

может быть только идеологическим. Бюджетное планирование, в т. ч. на три года, лишь отчасти компенсирует этот недостаток. Все другие попытки реализовать стратегическое планирование на практике означают подмену его макроэкономической экстраполяцией. Не более того: реалистичного экономического прогноза не может быть в принципе. Что ясно показало развитие России в 2008–2010 годах. В результате осенью 2010 года элита была вынуждена признать, что «российское общество не готово к задуманным Кремлем преобразованиям...», что для гармоничного развития необходимо создать коалицию людей с долгим взглядом, которые готовы поставить долгосрочные интересы впереди краткосрочных». Так говорилось в сентябре 2010 года на конференции «Стратегия–2020»⁷⁴.

Как подсказывает теория и подтверждает практика, основу для всех управленческих решений обеспечивает базирующееся на стратегическом прогнозе стратегическое планирование. Здесь можно возразить и поспорить о том, есть ли смысл в стратегическом планировании в такое нестабильное во всех отношениях время. Мне показалось очень наглядным высказывание новосибирского губернатора по поводу необходимости стратегического планирования. Он сказал примерно следующее: «Если бы мы пять лет тому назад предвидели, что на дорогах так быстро появится большое количество машин, мы бы построили совсем другие дороги»⁷⁵. Объективно потребность в идеологии, стратегическом планировании и прогнозе существовала всегда. Но субъективно советская и российская элита (как это ни покажется дико сегодня) эту потребность отрицала: неolibералы 1990-х годов исходили из того, что «невидимая рука рынка» отрегулирует не только экономические, но и социальные отношения.

Между тем, те, с кого брали пример, — американцы — так не думали и не делали. Приведу пример, использованный мной еще в работе 1999 года, из доклада министра обороны США Конгрессу страны. Точнее, той его части, которая посвящена стратегическому прогнозу и планированию: **«Куда мы идем. Наша работа над „Всесторонним обзором“ велась по следующему пути: анализ угроз — выработка стратегии — разработка плана действий по осуществлению намеченных мероприятий — определение необходимых ресурсов. Мы начали с того, что поновому, непредубежденно, взглянули на обстановку в мире и перспективы ее развития, чтобы определить угрозы, опасности и возможности для обеспечения национальной безопасности США. Кроме того, мы признали, что мир продолжает быстро изменяться. Мы не можем полностью понять или предугадать те перемены, которые могут произойти в мире за пределами временных рамок, предусматриваемых обычными планами развития вооруженных сил и военными бюджетами. Наша стратегия учитывает эту неопределенность и соответственно будет готовить наши вооруженные силы.**

Исходя из этого анализа обстановки в мире, мы разработали всеохватывающую военную стратегию, которая с учетом существующей и будущей ситуации в мире определяет требуемые военные потребности и формулирует программы и планы действий по их обеспечению. Основываясь на выдвинутой президентом США „Стратегии национальной безопасности“, мы определили, что военная стратегия США на ближнесрочную и долгосрочную перспективу **должна формировать стратегическую обстановку в мире в интересах продвижения американских интересов** (выделено мной. — А. П.), поддерживать возможности по реагированию на любые возможные угрозы и готовиться сегодня к угрозам и опасностям завтрашнего дня и более отдаленного будущего. В основе этой стратегии лежит неоспоримый факт, что, являясь глобальной державой с глобальными интересами, которые необходимо защищать, США должны продолжать активно участвовать во всех мировых делах через дипломатическую, экономическую и военную деятельность.

Разработав стратегию, мы определили пути ее осуществления через основы военной мощи на сегодняшний день и на будущее: качество личного состава, боеготовность вооруженных сил, наиболее передовая организация, военная доктрина и вооружение. Нам нужен высококачественный личный состав, который мог бы управлять более сложной военной техникой и руководить более сложными совместными боевыми действиями. Нам нужны боеготовые силы, т. к. в современном мире часто происходят внезапные события, требующие немедленного задействования тех контингентов, которые имеются в наличии. Информационная революция влечет за собой революцию в военном деле, которая приведет к кардинальным изменениям в способах действий ВС США»⁷⁶.

Однако даже отрицая ее необходимость в 90-е годы, российская неolibеральная элита все равно была вынуждена действовать в соответствии с этой объективной потребностью: просто научное видение в политико-экономической области подменялось чуждыми идеологическими штампами, а иногда просто самовлюбленным отношением к действительности. Никто ведь в элите не вел публичных дискуссий о будущем страны, стараясь «просто» сделать «как там», — «на либеральном, свободном и богатом Западе». Главное — давалось почувствовать, — чтобы все было «не так как здесь», «в этой стране», где «все не как у людей». И в целом это получилось... на время: общество, оказавшись деидеологизированным, послушно терпело выходки неolibералов и их абстрактные истины.

Сложнее для неolibералов было использовать чужие идеологические штампы (хотя и пытались) в области национальной безопасности, там, где речь шла о военно-технической составляющей. Приведем для подтверждения пример из военно-стратегической области, где был сделан точный стратегический

прогноз. Заключая в 2002 году Договор о сокращении стратегических вооружений (СНП), мы не только брали обязательство сократить к 2012 году количество ядерных боеприпасов до 2200 единиц, но и прогнозировали (с разной степенью эффективности) как развитие американской системы ПРО, так и собственных ядерных вооружений. Причем конкретно, до отдельных единиц ядерного оружия, размещенных на всех трех компонентах нашей ядерной триады.

Таким образом, был сделан точный прогноз развития систем СНВ и ПРО на долгосрочную перспективу. И соответствующие выводы. По признанию директора 4-го ЦНИИ Минобороны В. Василенко, «на основе анализа публикуемых результатов экспериментальной отработки комплексов ПРО США имеются основания предполагать, что до 2015–2020 гг. ограничения Договора СНП не войдут в противоречие с условиями, необходимыми для обеспечения ядерного сдерживания. При этом, однако, потребуются качественное совершенствование группировки СЯС РФ в части наращивания ее возможностей по преодолению противоракетной обороны, повышения живучести ударных средств СЯС, а также оперативных и технических характеристик информационно-разведывательных и управляющих систем СЯС»⁷⁷.

Из этого прогноза следует несколько принципиальных выводов, имеющих решающее значение для всех сфер деятельности государства. Так, если он верен, то мы можем рассчитывать, по меньшей мере, до 2020 года на то, что во внешней политике России сохранится ее наиболее эффективный инструмент — ядерное сдерживание, т. е. способность противостоять силовому давлению со стороны США и других стран.

Соответственно, следуя логике, Россия во внешней политике до 2020 года отчасти будет компенсировать свою относительную экономическую и технологическую слабость наличием эффективного ядерного потенциала. В целом же, вывод, следующий из прогноза, означает, что ядерная составляющая суверенитета страны обеспечена, как минимум, до 2015–2020 годов. Это создает возможность для относительно безопасного экономического развития, **концентрации значительных ресурсов на целях развития**. Этот период временный. Надо отчетливо понимать, что, во-первых, если в это время не будут подготовлены новые отечественные научно-технические разработки, то после 2015 года суверенитет России может быть поставлен под сомнение. Во-вторых, это же означает, что, такой период может быть использован для концентрации усилий на развитии отечественной науки и НЧК в целом на базе отечественного ВПК. Что сделали в свое время в Израиле, обеспечив ему самые передовые технологические позиции.

Другое дело, что в этот прогноз вносились и будут вноситься коррективы. И со стороны США, и со стороны России. Прежде всего, в пользу его меньшей оптимистичности (что привело, в частности, к быстрому

росту военных расходов в 2003–2007 годы). Но в целом прогноз не привел к катастрофическим ошибкам.

Другой пример, иллюстрирующий важность стратегического прогноза, показывает, что в области неядерных вооружений, выделяемые сегодня Россией ресурсы недостаточны для обеспечения национальной безопасности и суверенитета. Так, планируя увеличение поставок вооружений (которое сегодня пока в несколько раз ниже необходимого уровня), российские специалисты считают, что «... даже такое радикальное увеличение объемов закупок позволит перевооружить весь парк вооружений и военной техники... **только к 2030 году**. При этом будет реализован лишь, так называемый, „компромиссный“ вариант: 50% на содержание и техническое оснащение Вооруженных Сил и 50% на их развитие. Как показывают предварительные расчеты, для обеспечения реализуемости „компромиссного“ варианта развития начиная с 2006 г. расходы по разделу бюджета „Национальная оборона“ должны составлять не менее 3,5% от ВВП. Данный прогноз основан на макроэкономических проектировках Минэкономразвития РФ на период до 2015 года»⁷⁸.

Подобный вывод, который следует из стратегического прогноза, означает, по сути, не только экономический, **но и политический выбор**, который предстоит сделать власти: либо ослабление безопасности, фактическая потеря боеспособности неядерных сил, либо рост оборонных расходов, а значит отвлечение средств от целей социально-экономического развития, снижение в конечном счете темпов развития. Речь идет о сотнях миллиардов рублей, а «цена ошибки» — безопасность страны или социальное благополучие граждан, ослабление усилий по развитию потенциала человеческой личности.

Этот политико-идеологический выбор, лежащий в основе любого стратегического прогноза, всегда стоит перед любым правительством. Так, США, в конечном счете (несмотря на всю свою милитаризацию), выбрали **социальную модель бюджета**. Согласно расчетам Бюджетного управления конгресса США, в 2000 г. 43,2% федеральных расходов непосредственно шло старикам и детям, а в 2010 г. эта доля должна превысить 50% федерального бюджета⁷⁹.

При этом для США сохраняется актуальность и политического выбора. В последнее время множатся сигналы, свидетельствующие о возможности нового мирового финансового кризиса — наподобие того, что привел к американской «великой депрессии». Приближается, как считают некоторые эксперты, глобальный экономический коллапс, о котором не раз предупреждал Линдон Ларуш, безуспешно призывающий уже много лет к радикальному реформированию всей финансово-денежной системы западной цивилизации и избавлению ее от господства финансовой олигархии. Он считает, в частности, что для спасения цивилизации в обозримом будущем срочно необходимо создание мировой коалиции сил

вокруг ключевых договоренностей, которые будут достигнуты четырьмя ведущими странами (Лаос имеет в виду США, Россию, Китай и Индию). Это предупреждение, сделанное накануне кризиса 2008–2010 годов, как показали последовавшие события, было **точным стратегическим прогнозом** которым не воспользовались. Но выводы сделаны были. Прежде всего с точки зрения совершенствования международных финансовых институтов и роли государства. Его актуальность сохраняется и после того, как мировые лидеры стали выкарабкиваться из кризиса 2008–2010 годов.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что рецепт, предлагаемый различными авторами, носит частный, а не системный характер. Так, предлагается, например соглашение, «возвращающее нас к рутинным планам послевоенного мира как системы сотрудничества суверенных наций-государств, объединяемых **единой системой американского типа** (21) с фиксированными курсами валют, работающей на развитие всей планеты.

Этот вывод вызывает сомнение. Строительство механизма международного сотрудничества по американскому образцу невозможно по двум основным причинам. Во-первых, из-за того, что стремительно меняется соотношение сил в мире и вряд ли возможен прогноз, когда в стратегической перспективе новые мировые центры силы захотят договариваться по образцам 30–40-х годов прошлого века.

Во-вторых, — и это может быть главное — в мире конкурируют не только различные центры силы, но и различные идеологии, системы ценностей. Между ними компромисс на американской, либеральной

основе, невозможен в принципе. Китай, например, претендует не просто на сохранение социалистической идеологии, но и **идеологическое лидерство в мире этой идеологии**, провозглашая лозунг «Китай — оплот мирового социализма».

Крайне наивно было бы сказать, что ислам, как идеология (а также более 1 млрд мусульман, проживающих в исламских странах), захочет принять американскую идеологическую модель и систему ценностей. Совсем наоборот: можно оказать усиление радикальных элементов этой идеологии, которые являются основой для политического радикализма, экстремизма и даже терроризма.

Маловероятно, что Россия и другие государства, где в основе национальной систем ценностей лежит православие, успешно противостоявшее более тысячи лет католицизму и протестантизму, вдруг откажется от своей системы ценностей.

Можно выразиться абсолютно просто: идеологически, все действия должны вести к **строительству новой справедливой мировой политико-экономической системы развития при конкурентов различных идеологий**, управляющей отношениями между государствами и народами планеты. Эта точка — исходная для стратегического прогноза «Объединение США, России, Китая и Индии в качестве ведущих партнеров подлинной программы Объединенных Наций» является обязательным условием, которым нельзя жертвовать в пользу других забот⁸⁰, но при понимании того, что идеологически конкуренция будет не только сохраняться но и обостряться. Это не просто «другие заботы», это — основа существования всех государств.

5. Полное использование национальных ресурсов⁸¹ как важнейшее условие реализации национальной стратегии опережающего развития: «забытые» ресурсы и возможности

Реализация настоящей Стратегии обеспечивается за счет консолидации усилий и ресурсов (подч. — А. П.)...⁸².

Стратегия национальной безопасности РФ до 2020 г.

Одно из определяющих условий модернизационного рывка — адекватная **оценка современной ситуации, базирующаяся на фундаментальных знаниях о мире, России, о нашей истории и нашем настоящем**⁸³.

*А. Торкунов,
ректор МГИМО(У)*

Если нацию не удастся мобилизовать для решения крупных задач, то она будет «мобилизована» для самоуничтожения. Такова реальность, сложившаяся в 2012 году.

Если первое условие эффективной стратегии — адекватный идеологический выбор и целеполагание, —

то второе — максимальный учет и использование **всех имеющихся у нации ресурсов**. И не только материальных или финансовых, но и идеологических, нравственных, а также национальных институтов социального потенциала. Здесь важна как приоритетность, т. е. определение **значения** ресурсов в тот или иной период